

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

ТОЧКА КИПЕНИЯ КРОВИ



ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

БОЕВЫЕ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ

РОССИЯ. АРМИЯ. СПЕЦНАЗ

Боевые бестселлеры А. Тамоникова

Александр Тамоников

Точка кипения крови

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Точка кипения крови / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Боевые бестселлеры А. Тамоникова)

В прошлом подполковник спецназа, а ныне крупный предприниматель Владимир Броневи́ч встревожен не на шутку: с целью шантажа у него украли единственную дочь. Броневи́ч знает, похититель – его бывший партнер по бизнесу Валерий Костин. Совсем недавно у них случился громкий скандал, после чего, затаив злость, Костин ушел из компании. У подполковника вся надежда на своего бывшего подчиненного капитана Станислава Кармазина. Тот хотя и в отставке, но форму держит. Кармазин берется вызволить дочь своего командира. Капитан торопится – счет идет на часы, и любое промедление может стоить девушке жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	18
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Тамоников

Точка кипения крови

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Все описанное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*

Пролог

Украина до государственного переворота; Крымский полуостров

Лето

Яхта «Артемиде» шла заданным курсом и прежним малым ходом под управлением автопилота. Горизонт на несколько миль вокруг был чист – ни одного судна или паруса. Лишь бесконечные ровные линии волн, степенно перемещавшихся с юга на север...

Запланированный отдых удался. Бывший член совета директоров компании «Берег» Валерий Григорьевич Костин вышел в море на «Артемиде» и провел несколько дней в полнейшем одиночестве. Ни родственников, ни женщин легкого поведения, ни деловых встреч, ни звонков, ни совещаний. Только бескрайнее теплое море, легкий бриз, чайки и прекрасная солнечная погода.

За время отдыха он забеспокоился лишь однажды, когда к яхте подошел сторожевой катер. Старший на борту – высокий офицер с загорелым лицом – поначалу повел себя довольно напористо и бесцеремонно.

Между катером и новенькой яхтой оставалось менее одного кабельтова, и офицер крикнул в мегафон:

– Какого черта вы делаете в нейтральных водах?!

Любого другого действия пограничников наверняка бы смутили. Однако Костин был не из пугливых – лениво потянувшись, он спустился вниз. А вернувшись на палубу с какой-то бумагой, спокойно встал у лееров и принялся ждать.

Не услышав ответа, офицер-пограничник подвел катер вплотную к борту моторной яхты; пара матросов занялась швартовкой, трое других с оружием заняли позиции на площадке ходовой рубки.

– Повторяю свой вопрос в последний раз! – вальяжно взошел на борт офицер. – Какого черта вы делаете...

Договорить он не успел. Вышедший навстречу хозяин яхты сунул ему под нос квадратный лист бумаги, украшенный изображением Государственного герба Российской Федерации и несколькими яркими печатями.

Ознакомившись с текстом, офицер сник и, возвращая документ, произнес:

– Прошу прощения, господин Костин. Я не знал, что у вас имеется разрешение, подписанное министром обороны. Но ведь оно подписано год назад...

– Разрешение не имеет срока действия, – строгим голосом напомнил Валерий Григорьевич.

– Простите.

– Ничего страшного, – сменил Костин гнев на милость.

– Больше мы вас не побеспокоим. Прошу прощения, – повторял офицер, медленно отступая к борту. Внезапно спохватившись, он быстро заговорил: – Да, господин Костин! Час назад я получил сообщение из метеоцентра.

– Ну и? – нехотя обернулся тот.

– К ночи испортится погода.

– Шторм?

– Нет, сильного ветра не обещают. Плотный туман и осадки. Но все равно будьте осторожнее.

– Благодарю. Я скоро снимаюсь с якоря...

* * *

Отдых действительно удался, но Костин прибыл сюда не ради отдыха, а для важнейшего дела. Хитроумный план был им сверстан давно, и следовало действовать.

К вечеру погода и впрямь начала портиться. Небо затянуло серыми тучами, начал моросить дождь, видимость ухудшилась до одной мили. Ветер, правда, не усилился, и волны не превышали полутора-двух метров.

«Артемиды» – восьмидесятифутовая моторная яхта океанского класса – шла малым ходом под управлением автопилота, выдерживая западный курс. Ее хозяин спешно собирался покинуть борт. Накачав электрическим насосом небольшую резиновую шлюпку, он спустил ее на воду, предварительно закрепив фал за леера. Погрузил на борт шлюпки миниатюрный бензиновый двигатель, пару весел и флягу с пресной водой. Затем заглянул в надстройку...

Внутри все было подготовлено. На столе «красовались» остатки ужина с богатым ассортиментом спиртного; между тарелками лежал мобильный телефон. На диване валялась разбросанная одежда, в углу работала телевизионная панель. Все выглядело так, будто изрядно выпив и закусив, хозяин яхты решил искупаться и... не вернулся.

Пройдясь по судну, Костин устранил последние следы своего бегства, застопорил дизель, сбросил в воду носовой якорь и прихватил завернутый в целлофан тугой сверток. Перемахнув через леерное ограждение, он уселся в шлюпку, установил на ее корму двигатель и, запустив его, повернул на север – в сторону ближайшего мыса...

Мощности крохотного мотора явно не хватало, но, подгоняемая южным ветром, шлюпка все же медленно продвигалась к берегу. Сгорбившись, Костин сидел на корме и задумчиво глядел в белесую дымку. Где-то далеко за этой дымкой высились крымские скалы. Ему нужно было подойти к ним незаметно – так, чтобы ни одна живая душа не видела его живым и здоровым. Затем также незаметно дойти до автомобильной трассы, поймать машину и доехать до ближайшего железнодорожного вокзала.

Качавшаяся на волнах «Артемиды» давно исчезла из виду. А ее хозяин даже ни разу не оглянулся. Яхта, равно как и все с ней связанное, отныне остались в прошлом. Впереди его ждала новая жизнь.

Он продумал все. Не так давно, будучи директором Новорубинской строительной компании «Берег», Валерий Григорьевич попытался «увести» из компании шестнадцать миллионов евро. Не вышло. Давний приятель, владелец и председатель совета директоров Владимир Броневиц, пронюхал о его замыслах и... в общем, рассчитал и потребовал исчезнуть навсегда.

Костин действительно исчез из Новорубинска и на некоторое время залег на дно – благо накопленного капитала хватило бы до конца жизни, но... Костин обид не прощал.

Пришлось изрядно потрудиться, чтобы изобрести хитроумную комбинацию, реализация которой позволила бы не только отомстить за унижение, но и прилично обогатиться. Имитация несчастного случая и бегство с собственной яхты стали первым пунктом в исполнении задуманного плана.

Утопление – довольно унылый и тихий процесс. Заметить с берега тонущего человека не так-то просто. Тем более, если он находится далеко. Инстинктивно человек делает множество лишних движений, пытаясь остаться на поверхности воды, а из-за нехватки воздуха теряет способность позвать на помощь.

Так что задумка Валерия Григорьевича полностью удалась. Плюхнулся он с яхты, якобы разгоряченный алкоголем, а обратно не выплыл. Сил не хватило бороться с волнами. Или судорогой свело мышцы – гадай теперь, что случилось.

Менее чем за полтора часа Костин достиг крымского берега, утопил под скалой шлюпку с причиндалами, облачился в сухую одежду и направился к пролежавшей неподалеку трассе...

Путь пролегал через сосновый лес. Левее, метрах в семистах, находился роскошный двухэтажный дом, где проживал изгнанный из Новорубинска Костин. Дом был в совместном владении Костина и Броневица, ведь когда-то они крепко дружили и все делили пополам. И это удобное жилище, ласково именуемое «хижиной», они построили вместе восемь лет назад в очень удачном и живописном местечке: слева сосновый лес, справа величественные скалы, прямо перед домом берег моря с причалом и собственным пляжем...

Через некоторое время он стоял у кассы железнодорожного вокзала; молодая девушка-кассир, коротко взглянув на фотографию поддельного паспорта, оформляла ему билет в купейный вагон скорого пассажирского поезда.

– Пожалуйста, – протянула она готовый проездной документ. – Проверьте правильность оформления.

– Да, все нормально, – изучив билет, кивнул Валерий Григорьевич. – Подскажите, а когда поезд прибывает в Москву?

– Завтра в двадцать три десять по московскому времени.

– Спасибо.

Спрятав документы в карман, Костин оглянулся по сторонам и направился на второй этаж, где размещалось кафе. До посадки на поезд оставалось около часа...

* * *

Яхту обнаружили пару дней спустя. Удерживаемая носовым якорем, она спокойно покачивалась на волнах. Погода к этому моменту наладилась, и мимо то и дело проходили маломерные суда. Кто-то заинтересовался одиноким судном, слишком долго стоявшим на рейде, окликнул хозяина. Никто не ответил.

Вскоре подошел спасательный катер, чуть позже прибыла оперативная группа...

Поиски пропавшего Костина продолжались несколько суток, и разумеется, успехом не увенчались.

– Бесполезно, – махнул рукой представитель следственных органов. – Налицо самый типичный несчастный случай. Перебрал с алкоголем, решил искупаться. Куча пустых бутылок, закуска, опущенная купальная платформа...

– Согласен, – буркнул его коллега. – К тому же все личные вещи, деньги и документы на месте. Повода возбуждать уголовное дело не вижу...

Причина трагедии была очевидна, и следствие длилось недолго.

А спустя некоторое время весть о нелепой гибели Валерия Костина донеслась и до Новорубинска.

Глава первая

Российская Федерация; Новорубинск Некоторое время назад

Капитан Кармазин давно и неплохо знал командира батальона подполковника Броневи́ча. Знал и доверял, потому что только Броневи́ч каким-то немислимым способом добывал в вышестоящих штабах разведанные о шедших караванах из ущелий соседней Грузии. Чаще всего бока трудолюбивых мулов и лошадей натирали мешки с сушеной коноплей, а точнее, с самыми ценными – верхними частями этого растения – измельченными в строго определенной пропорции шишками и листьями. Случалось, что караваны перевозили оружие, боеприпасы, средства связи и медикаменты. Дважды группе Кармазина удавалось подстеречь и уничтожить тамошние «посылки» для чеченских амиров. Одна была полна оружия, боеприпасов и взрывчатки; другая состояла из конопли и медикаментов.

Представители других видов разведки нередко подводили, выдавая устаревшие сведения. И тогда злой и уставший Кармазин возвращался на базу ни с чем.

Последняя операция началась после очередного известия от Броневи́ча – стало быть, появлялась надежда на удачный исход многодневной охоты. Стало быть, вновь очередная посылка с оружием или страшным зельем, туманящим мозги молодежи и позволяющим чеченским амирам добывать большие деньги, не дойдет до адресата.

И вот он, долгожданный миг – один из бойцов передового дозора наконец-то просигнализировал: «Внимание! Вижу цель». Бойцы моментально приготовились к бою.

Воевать капитан Кармазин умел. Причем не по тем правилам и канонам, что преподавали в академиях. В чеченских горах и лесах они срабатывали редко – полевые командиры бандформирований придерживались своих устоев, своих методов ведения войны. Потому и приходилось учиться заново, вырабатывать новые тактические приемы.

Два снайпера расположились на небольших возвышениях по обеим сторонам тропы. Двум бойцам капитан приказал занять позиции чуть дальше, чтобы ударить с тыла и отрезать каравану путь к отступлению. Остальные растворились в «зеленке». Рядом с командиром остался лишь Толик Игнатъев, а чуть левее залег юный лейтенант Павлов – новобранец отряда, беспрестанно отодвигавший мешавшую ветку.

«Волнуется салага, – жевал сухую травинку Кармазин. – Не привык еще к нашим сумасшедшим будням. Ничего... Десяток-другой выходов, и станет таким же, как все».

Сколько уж подобных засад было организовано им за время службы на Кавказе! Крошил со своими молодцами банды, выслеживал главарей бандитских формирований, громил такие же караваны... В основном грамотно продуманные операции проходили успешно – в конце концов, и сам Кармазин был отличным профессионалом, и парней отбирал в свое подразделение не с улицы. Но случались и осечки. Редко, но случались. Сейчас, по его убеждению, все должно было срастись.

Наконец, в плотных зарослях мелькнула чья-то тень, спустя несколько секунд на тропе нарисовался сутуловатый кавказец. Тяжело дыша, он озирался и неуклюже переставлял длинные ноги. За ним, вровень с первым мулом, осторожно продвигался другой – чуть моложе, пониже ростом и половчее. Следом один за другим из-за поворота, огибавшего поваленное дерево, появлялись навьюченные животные и сопровождавшие их вооруженные люди...

До заранее обозначенного Кармазиным рубежа – угловатого валуна, вросшего в землю посреди лесной проплешины, оставалось немного. Сейчас тощий мужик, возглавлявший караван, поравняется с ним и...

– Давай, дрищ, давай, – ласково поглаживал пальцем спусковой крючок капитан. – Еще десять шагов. Девять. Восемь...

Однако не дойдя двух метров до своей смерти, тот вдруг оглянулся и встал. Рука нетерпеливо скользнула за пазуху, потянула из кармана пачку сигарет. А к поляне уже подходили другие вооруженные боевики, парочка из которых расторопно шмыгнула в кусты – должно быть, осмотреть прилегающую местность.

Первый выстрел Кармазина должен был послужить сигналом для остальных бойцов группы. Караван рубежа не достиг – старший объявил привал. Теперь медлить нельзя: если конвой разбредется в стороны от тропы, то задача многократно усложнится. Уже сейчас капитана беспокоили те молодцы, что исчезли из поля зрения.

Он коротко взглянул на Игнатьева, занимавшего неплохую позицию справа. Тот понял командира без слов и, неприметно кивнув, уполз в «зеленку».

«Там будет порядок! А вот слева один Павлов. Черт! Кто же знал, что они решат тут устроить перекур!» – лихорадочно размышлял Кармазин, с трудом отыскивая в зарослях хорошо замаскировавшегося снайпера Димку.

«Духа видишь?» – знаком спросил он у него.

«Нет», – мотнул тот головой.

Зато молодой лейтенант, смекнув о причине беспокойства командира, вовремя подсуетился.

«Цель вижу!» – просемафорил он и с умоляющим ожиданием смотрел на капитана.

«Ладно, – скрепя сердце подумал тот, – не маленький уже, не курсант. Пора и ему доверять в серьезных моментах».

И, дозволив Павлову заняться отошедшим в заросли бандитом, поймал в прорезь прицела грудь закурившего сутулого кавказца...

* * *

Резко крутанувшись во сне, Кармазин свалился с постели и больно тюкнулся затылком об пол. Лежа на полу, он несколько секунд глазел в темный потолок, тяжело дышал и силился понять, где находится.

– Фу-ух, – вытер он со лба холодный пот и принял сидячее положение.

Кармазин был дома – в своей скромной квартирке, оставшейся от родителей, на окраине Новорубинска. За окном темно, светящиеся зеленые цифры на часах показывают половину четвертого. Значит, скоро рассвет.

К Станиславу давно привязалась привычка просыпаться ночью через каждые два часа. В мирной жизни это ужасно раздражало, потому что, внезапно вернувшись из сладкого небытия, опять заснуть было чрезвычайно трудно: он лежал, ворочался, гнал прочь тяжелые мысли о трудной судьбе и неизменности смерти... Зато в горах Кавказа внутренний будильник не раз спасал. Собственно, там эта привычка и появилась. За исключением особо секретных миссий, его группа перемещалась в светлое время; часиков в девять вечера выбирали место для ночлега, разбивали бивак, ужинали и около десяти отбивались. Таким образом, первая смена дозоров всегда происходила в полночь, вторая в два. В четыре, если предстояло топтать дальше – поднималась вся группа; если по плану торчали на месте – дозор менялся еще разок, остальные спали до шести.

Голова после выпитой вечером водки была тяжелая, в висках стучало, во рту пересохло.

С трудом поднявшись, он направился на кухню.

– Выпей, Стасик, «Эссентуки № 17» – удивил печень, – бормотал он, открывая дверцу холодильника.

Не глядя достав бутылку минералки, Кармазин надолго припал к ее горлышку...

Проклятый сон, наполненный живыми воспоминаниями о чеченской войне, беспокоил редко. Но, как говорится, редко да метко – картинки и действия являлись с такой реалистич-

ностью, что выматывали по полной. Словно заново возвращался в то время и в ту местность. Как правило, это случалось накануне важных событий, являясь апофеозом внутренних треволнений.

Утром предстояло ехать в центральный офис компании, куда Кармазин пытался устроиться на работу. Компания небедная: бомжей, алкашей и проходимцев с улицы не берут. Имеет автопарк грузовых «газелей» и занимается перевозкой крупногабаритных грузов: мебели, холодильников, техники... В общем, всего того, что не помещается в обычную легковушку. У Стаса было универсальное водительское удостоверение – со всеми категориями. Позвонив накануне в офис, он долго отвечал на вопросы менеджера по кадрам, пока не получил добро прибыть на очное собеседование и предварительное ознакомление с контрактом.

Вдоволь напившись, он подошел к окну с видом на обшарпанную кирпичную стену соседнего дома и агентство ритуальных услуг. Ночью слева горел единственный желтый фонарь, освещавший проход между домами. В проходе не было ни души. Город спал.

– Ничто не может нарушить течения размеренной жизни в Новорубинске, – вздохнул Кармазин и поплелся в комнату. – Даже легализация однополых браков на другом континенте...

Упав на кровать, он повернулся на бок. В запасе оставалось пара часов. Нужно было отдохнуть и встать относительно свежим.

– Надеюсь, пленка закончилась и кошмары из прошлой жизни больше не приснятся, – прошептал он, засыпая.

* * *

Подразделение спецназа отчаянно сопротивлялось.

Небольшая группа Кармазина слаженно и за полминуты ухлопала почти всех людей Мансура. Тот сразу понял: на крохотной полянке его караван столкнулся с настоящими охотниками-профессионалами. Сам он так и остался лежать под ветвями большого куста, сжимая в одной руке автомат, а в другой портативную рацию, изредка издававшую противное шипение. Не сделав ни единого выстрела, почти не двигаясь, дабы не обнаружить себя, хитрый чеченец лишь осторожно осматривался да истеричным шепотом поторапливал по радио Араба. Его отряд двигался по тому же маршруту после отдыха и переформирования в Панкийском ущелье.

Наконец запоздавший отряд Араба подошел.

Он появился в тот момент, когда стрельба утихла, а Мансур наблюдал из-под куста за неверными, решившими обследовать поляну и убедиться в гибели караванного конвоя.

Да, Араб был мастером подобных комбинаций. Многолетнее участие в войне, которую он начал рядовым воином у Бараева; бесчисленные вылазки, налеты, теракты, засады на дорогах... Все это в результате сложилось в огромный боевой опыт удачливого полевого командира. Сегодня его умению организовывать сложные операции мог бы позавидовать любой выпускник Российской академии Генерального штаба.

Люди Араба появились неожиданно и сразу обрушили шквал огня на четверых русских бойцов, которые обследовали поляну. Эти четверо погибли сразу. Следом моджахеды подавили огонь двух спецназовцев, оказавшихся позади каравана. Остатки группы Кармазина приняли бой. Занимая выгодную позицию, они отвечали короткими очередями из автоматического оружия и снайперских винтовок и тоже изрядно потрепали отряд Араба. Его моджахеды напирала с южной стороны; не жалея патронов, давили; пытались обойти поляну по скальным уступам и взять спецназовцев в клещи. Но те отчаянно отстреливались.

Скоро и с той и с другой стороны в ход пошли гранаты. Схватка грозила стать затяжной...

Однако все решил последний воин Мансура. Тот самый, что был послан им в сторону от тропы – осмотреть местность. Именно его находчивость и решила исход поединка на дне лесистого глубокого ущелья.

* * *

Несмотря на приличный похмельный синдром, утром Кармазин проснулся за полчаса до прозвеневшего будильника.

– Раньше встанешь – больше выпьешь, – протер он глаза, направляясь в ванную комнату.

Впереди его ждали скудный завтрак, короткие сборы и забитая автотранспортом дорога до компании, в которую он намеревался устроиться водителем.

У выхода из квартиры он остановился, оставившись на ключи от автомобиля, лежавшие в коридоре на тумбочке. В крови наверняка оставался алкоголь, да и запашок после вчерашней пьянки был изрядный. Однако на миг представив, как в троллейбус нахлынет приличная толпа граждан, презирающих пешие прогулки и не накопивших денег на личный транспорт, как сомнет, сплющит, утрамбует, обнимет, Стас решительно сгреб связку ключей и вышел в подъезд...

Вообще-то он надеялся на то, что собеседование станет простой формальностью. С какой стати ему будут трепать нервы и задавать сложные вопросы из университетской программы? В его воображении собеседование должно было выглядеть примерно так: начальник отдела кадров вызовет старого усатого шоферюгу. Тот спросит, как работает двигатель внутреннего сгорания; Стас, конечно же, красочно опишет его устройство.

После чего кадровик скажет:

– Опишите степень своей адекватности.

– Я не делаю селфи, – ответит он с ехидным лицом.

– Вы приняты.

Громко заиграют фанфары, ему выдадут грузовой автомобиль, и на следующий день он отправится развозить счастливым гражданам мебель, газовые плиты и холодильники...

В назначенное время Кармазин сидел на удобном стуле в кабинете шикарного офиса. Сидел и скучал. Верно говорят: в море человек страдает от жажды, а в многолюдном офисе – от одиночества.

В кабинете был сделан свежий ремонт: белоснежные жалюзи на окнах, глянцевый натяжной потолок с яркими светильниками, на полу красивая плитка; новенькая офисная мебель. По стенам висели плакаты с фотографиями сверкавших лаком грузовых автомобилей и оптимистичными лозунгами типа: «Воспользуйтесь услугами нашей компании, и ваш груз будет доставлен в целости и в срок!» Под лозунгами были начертаны номера контактных телефонов.

Впрочем, Станиславу было не до плакатов и лозунгов – он держал в руках типовой контракт и старался дышать в сторону от менеджера по кадрам, которым оказалась холеная девица в белой блузке. Позади Кармазина на стульчике дожидался своей очереди мужчина лет тридцати в потрепанном костюме советского интеллигента. Он был невысокого роста, щупл и ровно подстрижен; верхнюю часть лица «украшали» очки в тонкой оправе.

«Неужели и этот устраивается водилой?» – подумал Стас, увидев его в кабинете. Он прошел собеседование раньше и теперь, вероятно, ожидал результат.

Сегодня Кармазин был чисто выбрит, причесан, одет в единственный приличный костюм, и его внешность полностью соответствовала лоску и новизне кабинета, выдержанного в белосиних тонах. Особенно во внешнем прикиде выделялись его часы – настоящий швейцарский шедевр, некогда подаренный его заместителем – старшим лейтенантом Труниловым. Стальной водонепроницаемый корпус, выпуклое сапфировое стекло, наличие сложных функций, лун-

ный календарь, автоматический механизм с сертификатом хронометра, ограниченная серия и прочие приблуды.

Да, внешность ему подправить удалось, но выхлоп после вчерашнего остался приличный. В общем, он знакомился с условиями, а в угнетенном этанолом мозге складывались эпические картинки...

Собеседование началось с анкеты, которую вручила девушка-менеджер.

– А на хрена водителю анкета? – вежливо поинтересовался бывший спецназовец.

– Так положено. Заполняйте или покиньте кабинет, – так же вежливо ответила она.

На ее блузке висел бейдж, на нем было напечатано имя – Елизавета.

«Елизавета – родом из глубокого кювета», – поморщился Станислав и напряг отравленный алкоголем мозг. Надо было покопаться в истории собственной жизни, извлечь из нее и зафиксировать на бумаге наименее опасные повороты...

Покончив с анкетой, он принялся изучать контракт...

– Прочитали? С условиями согласны? – не отрываясь от компьютерного монитора, интересуется девушка.

– В процессе, – проглатываю строчку за строчкой.

Лицо девушки с нитками выщипанных бровей и жирно покрашенными ресницами его не интересовало – уж слишком отчетливо на нем написано презрение ко всему человечеству.

Девица была заурядной представительницей тупых офисных стерв. Длинные ноги, глаза по пятаку, губки бантиком, сиськи четвертого размера. И юбка из папиного галстука. Кармазину хорошо известен данный типаж: запредельный ЧСВ (чувство собственной важности), диплом платного отделения усть-козлярского экономического колледжа и патологический синдромом вершительниц человеческих судеб. Такая родную маму не пожалеет ради того, чтобы трахнуть с местным боссом. А потом, пользуясь доступом к начальственному телу, уничтожит всех его врагов. Но начнет, конечно, со своих.

– Где вы работали раньше? – цедит она сквозь ровные зубки.

А вот об этом распространяться не стоит. Во-первых, принадлежность к довольно редкой профессии может повредить трудоустройству. Во-вторых, он давал подписку о неразглашении секретной информации, связанной с предыдущей специальностью.

Решил назвать последнее место работы – там ничего секретного не было.

– Новорубинский водоканал.

– Кем вы работали?

– Водителем.

– Каков стаж вашей работы водителем?

Стас посмотрел на свою трудовую книжку, к которой мадам даже не притронулась. И нагло соврал:

– Около десяти лет.

– С условиями ознакомились? – щелкала она длинными ноготками по клавиатуре.

– Заканчиваю...

* * *

Крепкие матерные словечки так и рвались из уст связанного Кармазина. Этим словечкам не мешали ни разбитые губы, ни сочившаяся солоноватая кровь, которую поминутно приходилось сплевывать.

Да что от них было проку?.. Материться следовало раньше, когда готовил и натаскивал прибывшую из училища молодежь.

Мало готовил и натаскивал. Недостаточно был строг и требователен. Редко наказывал. А таких, как Павлов, надо было не наказывать, а гнать в три шеи из спецназа.

Впрочем, теперь поздно горевать. Теперь хорошо бы помолиться за спасение или уповать на удачу, на счастливый случай. Однако надежд на чудеса становилось все меньше и меньше.

Трех выживших бойцов куда-то вели по скользкой пыльной тропе. Руки их накрепко скручивала длинная веревка, образующая единую связку; глаза закрывали плотные повязки. Ноги для самостоятельного передвижения оставались свободны, да от этого легче не становилось.

Первым в связке, спотыкаясь, шел капитан, вторым шагал его заместитель Толик, замыкающим плелся молодой Павлов.

«Идиот! Салабон! – зло сплюнул Кармазин накопившуюся во рту кровь. – Из-за его нерасторопности и слабости пришлось бросить оружие и поднять руки...»

Способных продолжать бой у лесной проплешины оставалось трое: Игнатьев, раненый Димка и сам Кармазин. Не много, если рассчитывать на благополучный финал. Но и не мало, для того чтобы испортить «ченам» настроение. Втроем они еще поспорили бы с бандой. Ох, как поспорили, если бы не слабак Павлов!

Признаться, капитан посчитал его убитым, когда тот, нырнув в заросли за ушедшим в сторону от тропы бандитом, надолго пропал из виду.

Лучше бы его там убили!

Грех так рассуждать, но... мальчишка оказался жив. Мало того, бандит обезоружил лейтенанта и, прячась за обмякшим телом, выволоч из кустарника, приставив к горлу длинный клинок.

Вот тогда-то, увидев обезумевшие от страха и полные страдания глаза молодого подчиненного, Станислав и хрястнул с досады своим автоматом о камень. Затем медленно встал, подняв руки.

Встал и Толик. А раненый Димка подняться не смог.

* * *

В тексте трудового договора Кармазин не нашел ничего нового. Полное отсутствие прав компенсировалось высокой степенью ответственности. Контракт буквально пестрил жирным курсивом, коим были обозначены всевозможные запретительные меры и строгие кары за их нарушения. Такие слова и фразы, как «штраф», «запрещено», «подлежит административному наказанию», «работник несет ответственность», «покрывает убытки за простой» и тому подобное – встречались на каждой странице по десятку раз.

Когда Кармазин завершил ознакомление с грозным документом, то захотел спросить Елизавету: «А не должен ли я отправиться в Южную Америку собирать сахарный тростник и знать наизусть песню негров из «Рабыни Изауры»?..»

Тактично умолчав о неграх, он произнес другое:

– Есть несколько вопросов.

– Да, я слушаю.

– Требуют прояснения несколько пунктов.

– Что именно вам не понятно?

– Вот... в пункте 4.2 «Выплата заработной платы и иных платежей, связанных с трудовой деятельностью Работника осуществляется Работодателем путем перечисления денежных средств на банковский счет Работника».

Глядя в монитор, девушка высокомерно улыбается:

– И что же неясного в этом пункте?

– Дело в том, что у меня нет банковского счета, – признался Станислав. – И, честно говоря, никогда не было.

– Это не проблема. Мы открываем счет в партнерском банке каждому, кто устраивается в нашу компанию. Если вы нам подойдете, то через две недели после оформления вам выдадут банковскую карту.

– Хорошо. Тогда последний вопрос.

– ?

– В разделе «Заключительные положения» есть некий странный пункт... А вот он – нашел: «В случае наступления естественной смерти Работника, а также смерти по болезни или смерти вследствие несчастного случая Работодатель берет на себя обязанность захоронить тело на общем кладбище ближайшего населенного пункта...»

Елизавета снова одарила насмешливым взглядом.

– И что же в этом пункте вас смутило?

– Все мы смертны – тут вопросов нет. Но, предположим, я не хотел бы, чтобы мое брненное тело после смерти хоронили черт-те где. Неужели нельзя доставить его в Новорубинск?

– Можно, если вы расстанетесь с жизнью в радиусе пятисот километров от нашего города. Но если это произойдет дальше, то извините – будете захоронены там, где нарушили Правила дорожного движения.

– Занятно. А если нарушу не я? Или вы не в курсе, сколько по нашим дорогам сейчас разъезжает сумасшедших придурков?

– В курсе, но поделаться с этим вопросом ничего не могу. Увы, это правила нашей компании.

– Понятно. И как часто у вас гибнут люди? – на всякий случай спросил Стас.

– Случается. Но не чаще, чем в других компаниях...

Тоска брала от таких разговоров. Хотелось помереть где-нибудь среди звезд на космическом корабле, но он понимал, что слдохнуть придется на этой мелкой планетке среди идиотов...

Глубокую философскую мысль прервал появившийся в кабинете мужчина. Вошел он по – хозяйски – решительно и без стука, после чего напрямик направился к столу Елизаветы.

Та, завидев его, подскочила как ужаленная, растянула в подобострастной улыбочке губки и ангельским голосом сказала:

– Здравствуйте, Сергей Вадимович. Очень рада вас видеть.

Кармазин молча взирал на вошедшего.

Сорокалетний мужик был высоким и грузным, с лощеным белокожим лицом, покрытым реденькой и довольно противной на вид бороденкой. Одет он был в дорогой костюм, на груди тоже мотался бейдж, но надписи Стас не разглядел.

– Как дела в вашем отделе? – негромко поинтересовался он у Елизаветы.

– Вот опять пришли устраиваться, – столь же тихо ответила она, кивнув на посетителей.

– Разве у нас есть вакансии?

– Одна.

– Выходит, один из них двоих лишний?

– Выходит, – вздохнула девица.

– И ты не знаешь, кого из них выбрать?

Услышав этот вопрос, капитан сжался и почувал неладное.

Тем временем Сергей Вадимович распрямился, потянул носом воздух и, покрутив головой, посмотрел на Кармазина.

– Вы вчера что-то отмечали? – ядовито прищурившись, спросил он.

– На дне рождения был, – с ходу соврал Стас. – Мне же сегодня не садиться за руль.

– А где гарантия, что вы сегодня опять не найдете повод что-нибудь отметить? Лиза, в общем, так... того оформляй, – кивнул Сергей Вадимович на очкарика. – А этому товарищу верни документы.

– Да положить мне на вас с размахом, – сгреб Станислав трудовую книжку с паспортом и, не прощаясь, покинул кабинет.

* * *

Домой он ехал, пребывая в самом поганом настроении. Уж слишком много надежд он связывал с профессией водителя в той проклятой компании, из которой его только что вежливо турнули. И даже немного привык к той мысли, что со дня на день начнет заниматься извозом крупногабаритных грузов, что все в его жизни наладится и не придется скитаться в поисках временной халтуры. Ведь денег в кармане оставалось ровно на одну попойку в ресторане на перекрестке Осенней и Затонской. Ну, может быть, еще на поход в магазин за продуктами. А что делать дальше?..

Припарковав старенький «Форд» на привычном месте, он вошел в подъезд своего дома, поднялся по лестнице на нужный этаж. Провернув в замке ключ, вошел в квартиру, доставшуюся ему от родителей.

Папа по профессии был строительным инженером и получил это жилье, когда ему стукнуло тридцать. Умер он в относительно молодом возрасте, прожив в этом новеньком на тот момент доме всего семь лет. Мама дожила до шестидесяти.

Разувшись, Станислав прошел на кухню и включил электрический чайник. Устало опустившись на стул, обвел взглядом скромную обстановку прихожей и кухни...

Он никогда не был приверженцем роскоши. Даже когда наезжал сюда в отпуска из «горячих точек», имея на кармане приличные деньги, предпочитал тратить их с умом, а не на дорогие вещи. К примеру, купил для мамы автоматическую стиральную машину, так как старая советская начала барахлить, да и требовала для обслуживания немало усилий. В другой раз уговорил, когда мама пожаловалась на боли в желудке, положил ее в клинику на обследование, а затем оплатил дорогое лечение. Последним вложением была замена окон и двери на лоджию – расторопные ребята за пару дней демонтировали рассохшиеся деревянные и поставили современные пластиковые.

Сделав чай, он прошел в зал и уселся в старое, но удобное кресло. Пить горячий напиток не торопился – сидел, положив голову на высокую спинку, и вспоминал...

Еще до его рождения папа с мамой на пару лет уехали в Мурманскую область с четкой целью: заработать на шикарную машину – «ЗАЗ 965», именовавшийся в народе «горбатый Запорожец».

В небольшом городке на берегу Белого моря отец без труда нашел работу по специальности, мама устроилась в библиотеку. Им выделили комнату в двухэтажном доме. Из обстановки в ней была только подслеповатая лампочка, выдавший виды кухонный стол да одна табуретка.

Сложив в углу свои пожитки, они бросили посередине комнаты матрац и затеяли семейный совет, поскольку следовало налаживать быт, ведь жить тут предстояло два года.

После жарких дебатов министра экономики с министром финансов было принято следующее решение: на обстановку и прочие необходимые в быту вещи тратить в месяц не более ста рублей. Сто пятьдесят откладывать на сберкнижку, остальное – на питание.

Набросали план покупок. В первый месяц следовало приобрести кровать и посуду. В следующий – платяной шкаф, стол и полку для книг. В третий – шкаф для посуды, стулья и ковер. Далее следовали: стиральная машина, столовый сервиз, газовая плита вместо убогой электроплитки, настенные часы. А завершали длинный список люстра с радиоприемником.

Принеся домой первую зарплату, папа уехал на пару дней в командировку. А вернувшись, увидел, что вместо кровати и посуды мама успела купить и привезти стиральную машину, сковороду, кастрюлю, две ложки и... радиолу с пластинками. На тарелки, по ее словам, уже не хватило – лимит в обозначенные сто рублей был исчерпан.

Вначале папа был очень удивлен.

– Как же ты могла перепрыгнуть на шесть месяцев вперед и купить радиолу?! – сердился он. – У нас же был четкий план! А кровать, а посуда?..

И тогда мама выдала свою коронную фразу, после которой у папы кончались все аргументы:

– Считай, что я тебя уговорила.

А когда в пустой полутемной комнате заиграла музыка, доносимая радиоволнами с «далекого материка», папа и вовсе размяк и заулыбался.

В жилище почти ничего нет – одна сковородка с парой ложек. Но зато есть шикарные штучки, резко повышающие качество жизни: стиральная машина и радиола. Что удивительно, соседи по двухэтажному дому смотрели на их организацию быта с презрительным удивлением и крутили пальцем у виска: что за легкомыслие – на полу, но с музыкой! А между тем, из соседских комнат доносилась ругань, а из комнаты родителей Стаса – джаз.

Почему-то Станислав запомнил эту незамысловатую историю на всю жизнь и так же всегда старался перепрыгнуть через «ковры, кровати и столы». Перепрыгнуть и сразу прикупить «радиолу». Просто в какой-то момент он понял: жизнь слишком коротка и нужно поступать не как написано в строгом плане, а так, как пожелает душа. Именно поэтому в двух комнатах доставшейся от родителей квартиры стояла старая мебель, но имелись две шикарные плазменные панели и новенький музыкальный центр. В ванной комнате обитали отличная стиральная машина и душевая кабина с парогенератором. На кухне был полный набор современной техники: высоченный шведский холодильник, микроволновая печь, итальянская кофе-машина, мультиварка...

Кстати, свою мечту его родители все-таки воплотили в жизнь – проработав в Мурманской области ровно два года, купили «горбатого Запорожца» и вернулись в Новорубинск, где вскоре родился Станислав. А потом вся семья еще десять лет ездила на этой машине в Крым, Сочи и Абхазию.

Глава вторая

Российская Федерация; Новорубинск Некоторое время назад

После окончания Второй чеченской кампании Кармазин прослужил в спецназе около двух лет. По должности продвинулся самую малость, став командиром учебной роты; майора так и не дождался. Да и вообще, вновь окунувшись в мирную жизнь, вдруг понял одну простую истину: настоящие вояки нашему государству нужны лишь до тех пор, пока где-то существуют «горячие точки». А если все тихо и ровно, чиновники и депутаты про военных предпочитают не вспоминать.

Внешность у Кармазина была самой обычной, если не считать роста под два метра, широких плеч, накаченных мышц и веса в сто двадцать килограммов. Тем не менее, излишне высоким его никто не считал – чаще называли огромным. Простое открытое лицо, как правило, с двухнедельной щетиной; зачесанные назад темные волосы, немного смугловатая кожа и усталый взгляд темных карих глаз.

Уволившись из армии, он полгода прожил в столице, снимая комнату у зловерной старушки – пытался найти работу и начать нормальную гражданскую жизнь. Не получилось.

Во-первых, жутко донимала старушка – хозяйка квартиры. Она была одинокой, страдала приступами любопытства, не имела ни детей, ни внуков и, по-видимому, решила наверстать упущенное, по полной программе воспитывая Станислава. На кухне она постоянно делала ему изысканные замечания – дескать, а вот я в блинчики всегда щепотку соды кладу. Вообще-то байховый чай нужно заваривать в специальном заварничке. Макароны, сынок, не нужно подсаливать, и почему ты их варишь в воде, а не в грибном бульоне? Я тут поставила снова на огонь твое яичко, а то ты его рано с плиты снял – оно у тебя еще не прожарено. Одному богу известно, сколько раз Кармазину хотелось дать ей по башке сковородой, чтобы она не вмешивалась. Старушенция всегда сидела дома и как только слышала скрип двери в его комнату, сразу выползала в коридор, чтобы посмотреть, как на этот раз он портит свой ужин и как она может ему помочь. Картошку, например, надо резать кубиками, а не соломкой. Сгущенное молоко ложкой есть не положено, а исключительно размешивать в чае. Оливье с мясом готовят, а не с колбасой. И даже кипяток у Станислава не совсем православный – надо кипятить холодную воду, а не горячую, тогда это будет кипяток, а так – «тяжелая» вода с изотопами... Если квартирант намеревался куда-то уйти, то она выходила, чтобы его «проводить» и уточнить цель его похода. При этом строго напутствовала: «В девять вечера я закрою дверь на засов». Угроза была реальной – на двери действительно имелся стальной засов длиной в полметра, и несколько раз опоздавшему Кармазину пришлось по полчаса барабанить в дверь, так как бабулька ко всем прочим недостаткам была еще и глуховата.

Он стойко терпел эти «прелести» из-за того, что сумма за постой по московским меркам была просто мизерной. За большую сумму комнату он позволить себе не мог, потому что нормальную работу найти не получалось. И это была вторая причина, по которой не сложилась его жизнь в Москве.

– А что у вас за профессия? – спрашивали в столичных кадровых агентствах.

Прописанная в его дипломе «командно-тактическая» специальность не говорила кадровикам ровным счетом ничего. Да, в армии он мог командовать взводом, ротой и даже батальоном, но на гражданке это не прокатывало. Здесь командиров хватало и без него.

Одним словом, он постоянно и во всем ощущал себя бывшим. Бывшим капитаном, бывшим спецназовцем, бывшим командиром разведывательно-диверсионной группы. Бывшим, бывшим, бывшим... Присутствовала в подсознании и обида на то, что чиновники так варвар-

ски обошлись с заслуженными профессионалами. Но больше было безысходности от невозможности найти свое место.

Так и вернулся он в Новорубинск, где после смерти матери пустовала небольшая квартира.

Поначалу Кармазин был настолько обескуражен резкой переменой в жизни, что не хотел ничего. Отсыпался, постоянно пил и бездумно пялился в экран телевизора. По всем каналам транслировали радость электората: криминал, политику и светскую блевотину. Но выбора не было...

Через некоторое время ему надоело сидеть в квартире, задыхаясь собственным перегазом. Да и накопленные денежные средства изрядно уменьшились. Он решил найти работу в родном городе.

Обзвонив бывших коллег по службе, Кармазин внезапно понял простую и неприятную вещь: с его уникальной специальностью устроиться в нашей стране не так-то просто. Реально повезло лишь одному старшему лейтенанту, который подвязался инструктором рукопашного боя в высшее военное училище. Другие перебивались где и чем могли. Кто-то охранял супермаркеты, кто-то таксовал на своих стареньких авто...

Не желая навсегда расставаться с профессией, Станислав – загнанный проблемами, понурый, с перхотью на воротнике – отправился на поиски подходящего работодателя. Однако Новорубинск был слишком мал, и ни на одном предприятии ему не смогли предложить ничего путного.

На исходе месяца поисков Кармазину повезло – судьба снова предложила попробовать силы в столице. В Интернете он наткнулся на объявление одной из московских кинокомпаний, планировавшей снимать фильм на военную тематику и искавшую соответствующих профессионалов. Бывший капитан отправился в Москву, нашел офис кинокомпании, представился... Затем минут сорок беседовал с одним из ассистентов режиссера.

Получилось. Его утвердили в качестве консультанта и каскадера, после чего он три месяца принимал участие в съемках. Потом съемки закончились. Ему выплатили неплохой гонорар и помахали ручкой: «Понадобитесь – позвоним». Пришлось опять возвращаться в Новорубинск.

Армейскую пенсию Станислав заработать не успел – не хватило выслуги, а жизнь в любом большом городе имела одну поганую особенность: деньги там кончались чрезвычайно быстро. Заработанный в «высоком искусстве» гонорар он прожрал за три месяца, а потом пришлось затянуть ремень.

И снова он перебивался случайными заработками: грузил грузы, крыл крыши, охранял охраняемое...

А в перерывах бездумно глазел в экран телевизионной панели, много пил и вспоминал боевые операции...

* * *

Воин, ранее не ведавший поражений, будет до последней минуты надеяться на чудо, на счастливое спасение. И лишь тот, кто успел не раз побывать в когтях смерти, способен в самой критической ситуации сказать самому себе: да, приятель, это конец. Кармазин даже в то ужасное мгновение, когда пришлось бросить оружие, не считал положение безнадежным и еще лелеял надежду на счастливый исход, ибо случались в его биографии схожие переделки. И каждый раз выпутывался, отыскивая единственно верное решение, изобретая единственно возможный способ.

Но на этот раз удача, похоже, отвернулась. На поляне все складывалось иначе – из зарослей появлялись все новые и новые боевики, вооруженные до зубов, озлобленные потерями, с волчьими, наполненными ненавистью взглядами.

Тогда-то он и буркнул:

– Все, Стасик. Отвоевался...

Раненого Димку доби́ли сразу. Прищурив колючие глазки, предводитель банды подозрительно осмотрел окровавленное колено Кармазина. Правда, позже, когда оставшихся в живых русских избивали, он принял решение отсрочить его смерть – несмотря на касательное ранение, тот крепко стоял на ногах...

И вот, избитых, окровавленных, связанных, утеревших веру в спасение, их куда-то ведут. Впрочем, где бы они ни оказались, перспективы остаться в живых не было: не перерезали глотку в ущелье, значит, решили приберечь для показательной казни в бандитском стане.

– Так мне, дураку, и надо! – прошептал капитан. – Полгода назад предлагали перевестись комбатом в Рязанское училище. Нет, опять уперся. Сейчас курсантов бы гонял да попивал бы вечерами пиво... А вместо этого ползаю по горам во главе детсадовского сброда!..

– Брось, Стас. Кто ж знал, что за караваном идет целая банда? – послышался за спиной голос Толика. – Даже Броневи́ч этого не мог предвидеть.

Вздыхнув, командир группы промолчал...

* * *

Кармазину было за тридцать, но он оставался убежденным холостяком. Однажды – по бурной лейтенантской молодости – он решился на эксперимент и прожил целый год гражданским браком с одной симпатичной особой по имени Анна. За недлинную семейную идиллию этот «ангел во плоти» изменился до неузнаваемости.

Однажды Станислав услышал мудрое изречение: «Мужское пристрастие к алкоголю порождается перевоплощением любимой женщины в стерву». Примерно так оно и случилось: вначале конфетно-букетный романтизм при свечах, затем тупое привыкание и минимум разнообразия, и банальный финал с необъяснимыми обидами, упреками и скандалами.

Короче говоря, из годовалого опыта супружеской жизни Кармазин извлек многое. А именно то, что мужчина может быть обвинен женщиной в чем угодно.

Если ты не даришь каждый день цветов, то тебя обвинят в невнимательности. Если даришь, значит, пытаешься загладить какую-то вину. И не сомневайся – женщина мгновенно придумает, какую именно.

Если ты молод, то последует обвинение в несостоятельности. А если успешно состоишься, то тебе приклеят ярлык «немолодого».

Если недостаточно зарабатываешь, то ты – неудачник. Если богат, то зачем «посадил супругу в золотую клетку?!»

Если нарисовалась случайная измена, то ты – похотливая сволочь. Если изменила супруга, то сам понимаешь, виноват в этом тоже ты, потому что разозлил, не удовлетворил, не удержал, не ублажил, недостаточно профинансировал... Нужно подчеркнуть.

Если ты бросил женщину, то ты – бесчувственный негодяй. Если уходит она, то только потому, что ты – идиот, с которым просто невозможно жить под одной крышей.

Если супруга работает, то готовься выслушать упрек в том, что твоих доходов не хватает на воплощение ее желаний. Если сидит у тебя на шее и ничего не делает, кроме приготовления полуфабрикатов в микроволновке и запуска автоматической стиральной машины, то ты, само собой, виноват в том, что не дал ей в этой жизни реализоваться.

Если тебе требуется секса больше, чем супруге, то ты ее «Совершенно замучил!». Если меньше – то «не удовлетворяешь и вообще импотент».

Ну и еще навскидку десяток всевозможных причин убить себя об стену. Ты будешь всегда виноват в том, что общаешься с друзьями или отдыхаешь после тяжелого трудового дня на диване, а на благоверную у тебя не хватает времени. В том, что любишь рыбалку или ремонтируешь в гараже машину. В том, что у супруги плохое настроение, что не оправдал ожиданий или не соответствуешь ее иллюзиям и представлениям о настоящем мужчине...

Впрочем, этот список не имеет ни начала, ни конца.

* * *

Промолчав, Кармазин тяжело вздохнул.

Толик отчасти прав. И тем не менее он обязан был предугадать, предусмотреть все нелепости, приведшие к провалу задания, к гибели группы. Сколько сотен километров намотал по горной Чечне! Сколько сожрал сухпаев! Скольких товарищей здесь похоронил!.. А до конца прокачивать ситуацию так и не научился.

Толик – хороший парень. И в такую минуту найдет пару слов, чтобы успокоить, поддержать. Однако несложно представить, каково сейчас ему. Года не прошло, как получил очередное звание, женат всего пару лет, скоро станет отцом. По крайней мере, должен был им стать.

«Проклятая повязка на глазах!» – капитан поморщился от боли, оступившись на каменной россыпи. Вблизи той чертовой поляны пуля саданула по краю коленного сустава. Того самого больного сустава, что полгода лечил в одной из московских клиник. Трижды ложился под нож хирурга. И вот опять. Вся голень была мокрой – кровь пропитала штанину до ботинка. Да что там до ботинка – даже ступня ощущала неприятную липкую влагу.

Пронзительная боль отогнала мысли о Толике. Но ненадолго.

Толик попал в его группу чуть более двух лет назад, когда, напоровшись на засаду во время одного из рейдов, Кармазин потерял половину своих людей. С достойной заменой своевременно пособил Броневиц – порекомендовал четверых надежных ребят из разведроты соседнего батальона. Прибыл в той четверке и Анатолий.

Так и познакомились. Потом потянулись бесчисленные боевые; затяжная операция по выслеживанию караванов и прочие передраги, в одной из которых Кармазин спас жизнь Броневицу. Да, тогда у станицы Весовой ускреблись, отбились, выжили. Повезло.

А сегодня не получилось...

* * *

Через несколько месяцев безуспешных поисков Кармазин все же нашел относительно приличную постоянную работу – предложили пойти охранником на большую автомобильную стоянку, что раскинулась в паре кварталов от его дома. Он согласился, ибо денег катастрофически не хватало. В дежурке на стоянке он сутки дежурил, трое отдыхал. Точнее беспробудно пил, дабы не оставалось возможности осмыслить никчемность своей нынешней жизни. Алкогольная анестезия воздействовала на самую неизведанную часть человеческого организма – на мозг. И тот на время отключался, прекращая подавать хозяину сигналы бедствия.

Случалось, что по несколько дней не пил, но при этом чах и становился угрюмым. Трезвея, он начинал рассуждать, думал и мечтал о будущем. Хотя сам не понимал зачем.

Единственным будущим, которое действительно грело душу, был ближайший вечер с обязательным наличием в кармане энной суммы в российской валюте. Приличные деньги нужны были, чтоб напиться в знакомом кабаке. Если приличных не оказывалось, шел в забегаловку, располагавшуюся напротив стоянки. Ну, а на десерт после выпивки Кармазин предпочитал секс с какой-нибудь смазливой бабой, подвернувшейся в ресторане или в той же забегаловке.

Собственно, мечта состояла не только из алкоголя и секса. На самом деле в ней содержалось гораздо больше: интрига, приключение, таинственная неизвестность, тревога. И сладостное томление в груди. В общем, все то, чего так не хватало в излишне спокойной гражданской жизни.

Он отлично понимал, чем могло закончиться пресловутое томление. На лице уже имелось несколько шрамов после ресторанных приключений, а в непогоду ныли сломанные ребра. И все же весь кайф был именно в нем – в томлении. Ради него Станислав бежал из дома, нырял в непроглядную ночь, стойко терпел невзгоды, боль, лишение свободы...

Долгожданный момент наступал, когда город погружался в темноту. Он выходил из квартиры, поворачивал в замке ключ, сбегал по ступенькам лестницы вниз... Навстречу выплывала ночь с ее удивительным бархатом, с ее тяжелой тканью, струящейся сквозь пальцы.

Кармазин следовал знакомым маршрутом. Настолько знакомым, что мог проделать его, будучи лишенным зрения.

Томление достигало пика. Хотелось заорать от счастья на весь спящий квартал или сплясать что-нибудь эдакое.

Но он не орал и не плясал. Он экономил силы для «банкета».

* * *

Желтая полоса солнечного света врывается в открытую дверь каменной лачуги, где капитан с двумя сослуживцами парился вторые сутки. Длинный узкий луч медленно полз по усыпанному грязной соломой полу; становился короче и менял оттенок.

Мысли о побеге уже не посещали. Руки пленников оставались свободны, однако к ногам крепилась массивными «манжетами» толстая ржавая цепь. Тяжелой змеей она опутывала троицу офицеров и концом своим была намертво приварена к вкопанному в землю старому станку от ДШК. Откопать эту хрень свободными руками было возможно, но снаружи – у открытой двери – постоянно торчали чеченские бандиты. Сидели, скрестив ноги, сверкали колючими глазницами, судачили о чем-то да скалили зубы в злобных ухмылках.

Тут не то что выдернуть из земли стальную раскоряку. Даже справить малую нужду в углу хибары без присмотра не получалось. Стоило шевельнуться, как боевики разом замолкали и вскидывали автоматы.

– Хотелось бы знать... – вдруг мечтательно произнес Толик.

– Что? – вернулся в действительность Кармазин.

– Кто у нас родится, – вздохнул тот. – Пацан или девчонка...

В другое время командир непременно что-нибудь сказал бы по этому поводу – подбодрил бы, успокоил будущего отца. Но теперь решил воздержаться, промолчал.

В этот миг за дверным проемом каменной лачуги замельтешили чьи-то тени, послышались громкие голоса. Охранники встали с насиженных мест, повесили автоматы на плечи.

Насторожились и пленники.

– Выходи по одному! – скомандовал низкорослый и самый бойкий абрек с жиденской рыжей бородкой.

Звякая цепью, офицеры медленно поднялись и направились к открытой двери. На выходе из каменного сарайчика каждому связывали руки и снимали с ног металлические манжеты. Вскоре троицу пленных, подталкивая в спины, подвели к обрыву на краю бандитского лагеря.

Опять оказавшийся в связке первым, Станислав выглядел хмурым и злым. Но отнюдь не от предчувствия близкой смерти. Причиной тому служило осознание собственного бессилия перед обстоятельствами. Ведь именно оно – бессилие – является самой страшной мукой для сильных и мужественных людей. Ничто другое так не страшит и не опустошает, как понимание неспособности изменить грядущие события.

* * *

В облюбованный Кармазиным ресторан под названием «Старый замок» посетители шли толпами лишь по выходным и в праздничные дни. Будними вечерами большая часть столиков пустовала, а музыка не гроыхала, звуча приятным спокойным фоном.

Это был обычный ресторан, каких в любом провинциальном городе можно насчитать полсотни штук. Располагался он в первом этаже обычной пятиэтажки, которая совершенно не походила на замок. Со звучным названием его связывало разве что оформление – бутафорские доспехи, щиты, мечи и копья, что в изобилии висели по стенам. Во всем остальном ресторан напоминал советский общепит: ни шика, ни изысканной кухни. Ни строгого контроля на входе, ни предупредительного обслуживания.

Вы спросите, почему он выбрал именно его? Все просто: это заведение удобно располагалось на перекрестке улиц Осенней и Затонской – всего в квартале от дома Станислава. А потому под сводчатыми потолками двух его залов он сживал каждый раз, как только в кармане заводились деньги.

– Здорово, Стас, как поживаешь? – заметил его знакомый бармен.

– Привет, Серж, – кивнул он в ответ и с ходу заказал бутылку водки.

Из всей местной закуски он предпочитал столичный салат и тонко нарезанный лимончик. Все это Кармазин прихватил сразу с барной стойки. Изредка, когда денег было в достатке, капитан заказывал что-нибудь мясное: свиную отбивную с жареным картофелем или ростбиф со сборным гарниром.

Нырнув в полумрак зала, он легко отыскал свободный столик. Усевшись, оглянулся по сторонам. В зале было накурено, стоял гул из полупьяных голосов.

За соседними столиками отрывались разношерстные компании. Станислава никто не замечал.

«Ну и хорошо, – отметил он, опрокидывая в себя первую рюмку. – Мне лишнее внимание ни к чему».

С каждым глотком алкоголя возвращался тонус, тело обретало гибкость. Он уверенно ступал по проторенной дорожке, где знал каждую кочку и каждый приямок.

Спустя четверть часа его окружали приятные и почти родные лица. А когда бутылка наполовину пустела, уже казалось, что он вообще никогда с ними не расставался.

Опустошив первую бутылку и покончив с закуской, он отправился в туалет.

Гальяон в ресторане был общим и очень маленьким, а потому возле него всегда стояла очередь из двух-трех человек. Сегодня в кабинку вместе с ним прорвалась пьяная бабища с внешностью страшнее фотографии в паспорте и закаленная глубоко пьющим мужем.

– Я первая, – подобрал юбку, плюхнулась она на унитаз.

От такой наглой бесцеремонности, от сплошного моветона и упадка нравов Кармазин даже забыл, что нестерпимо хотел по-маленькому.

На некрасивом лице под излишками косметики блуждала похоть, а в мутных глазах плескалась смесь из шампанского, дешевых коктейлей и еще бог знает чего.

Женщина ждала от него активных действий, но Станислав был не настолько пьян, чтобы позариться на эту «красавицу». Деликатно отвернувшись, он ждал своей очереди...

– Хочешь, я уйду из ресторана с тобой? – вдруг предложила она сиплым голосом. И через секунду добавила: – И буду твоей.

– Послушай, крошка, – взглянул на нее через плечо Кармазин, – тебе известно, что порядочная девушка обязана перед свадьбой восстановить девственность или хотя бы вылечить гонорею?

Сделав свои дела, та фыркнула и гордо покинула сортир, со всей дури хлопыстнув об косяк дверью.

«До чего же здесь душно!» – ополоснув руки над раковиной умывальника, отправился он обратно в зал.

– Серж, будь любезен – организуй еще водки и салатик, – завернул Стас к стойке.

– Момент! – ловко подхватил тот запотевшую бутылку. – Держи...

* * *

На краю обширной, слегка пологой поляны, вокруг которой вытянутой дугой располагался лагерь, уже поджидала толпа чеченских боевиков. Полевой командир по прозвищу Араб – хмурый кавказец с седыми прядками в черной бороде – привычно устроился на траве меж двух высоких деревьев.

Под одобрительные выкрики и злые усмешки спецназовцев подвели к самому краю поляны.

– Ого! Высоковато здесь, – проворчал Толик, глянув вниз.

За поляной открывался вид на глубокое ущелье. На дне тонкой змейкой блестела река, дальше темнел склон соседней гряды.

– Так даже лучше, – буркнул Кармазин. – Мучиться не придется.

– Это точно. Получим по паре пуль и...

Договорить он не успел. Всех троих заставили повернуться к боевикам. Банда была в сборе.

– Человек пятьдесят, – оценил капитан.

– Не меньше, – согласился Толик. И добавил, приметив вооруженных бандитов, вышедших вперед: – А вот и расстрельная команда.

Стас покосился на Павлова. На том не было лица – бледные губы подрагивали, испуганный взгляд метался по сторонам. Метался до тех пор, пока не уперся в того отвратительного типа с рыжей бородкой, что живо распорядился у лачуги. Похоже, и здесь – у места предстоящей казни – роль «дирижера» принадлежала ему.

Этот урод беспрестанно поправлял на плече американскую винтовку и, вышагивая перед пленниками, ехидно посмеивался. Пройдя мимо юного лейтенанта, он остановился напротив капитана.

– Тебя мы уьем последним, – сказал он с неприятным акцентом.

– Отчего такая щедрость? – ухмыльнулся в ответ Кармазин.

– Ты же был главным у неверных?! Вот и посмотришь, как твои люди испускают дух.

– Не надейся на спектакль – мы все умрем достойно.

Громко засмеявшись, рыжебородый обернулся к единоверцам и крикнул:

– Героя из себя строит! Сейчас посмотрим на смерть героя.

Чеченский язык Станислав хорошо понимал – сказывались годы, проведенные в здешних местах.

– Знаешь, придурок, что я тебе скажу? – немного наклонившись к боевику, сказал он.

– Ну? – сверкнули любопытством черные глазки.

– Сними с плеча эту американскую хрень и отстрели себе яйца, чтоб такие уроды больше на свет не появлялись.

Моджахед позеленел от ярости и, выхватив из ножен кинжал, вознамерился разобраться с обидчиком.

– Джохар! – послышался повелительный окрик Араба.

Распорядитель остановился, что-то промямлил сквозь зубы и направился к братьям по оружию.

Стоявший рядом Толик беззвучно ржал.

– Умешь ты, Стас, теплое словцо сказать. Особенно при расставании.

Теперь от усмешки не смог удержаться даже юный Павлов. Усмешка хоть и вышла вымученной, да, видно, подействовало поведение старших товарищей – губы уж не подрагивали, взгляд стал осознанным.

Все было готово для начала казни.

По команде рыжебородого расстрельная команда подняла автоматы. Послышался дружный лязг затворов.

Все ждали команды полевого командира.

Араб на миг задумался, что-то припоминая. Затем привстал с травы и, оглядев своих абреков, крикнул:

– Начинайте!

* * *

Вернувшись за столик, Кармазин тут же опрокинул в себя очередную порцию алкоголя и, наконец, ощутил себя опьяневшим.

– Ну, слава богу – полегчало, – откинулся он на спинку стула.

Оглядевшись вокруг, Станислав с удовольствием отметил, что внутри ресторанный зал грохотал свет и переливались огнями звуки. Вдруг показалось, будто он помещен в аквариум, набитый сверкающими разноцветными рыбами.

Чуть позже за его столиком материализовался приятный господин восточной наружности.

– Ашот, – представился он, протягивая руку.

– Станислав, – ответил бывший капитан крепким рукопожатием.

– Коль уж мы оказались за одним столом, позвольте вас угостить.

– Позволю. Но сначала отведайте моей водочки.

И они начали пить. Вернее, начал приятель, а Станислав продолжил.

Ашот выглядел вызывающе идеально: шикарный костюмчик, накрахмаленная рубашка, галстук в тон, лакированные туфли. Изысканный антураж объяснился довольно банально – буквально на той неделе у Ашота случился день рождения, и он до сих пор его преданно отмечал. Он виртуозно ругался матом, поднимал тосты за победу над фашистской Германией, опять же крепко уважал водочку. То есть снаружи человек был армянином, а в душе – практически русский.

К полуночи Кармазин настолько плохо соображал, что постоянно спрашивал, как зовут нового собутыльника, какое сегодня число и где они находятся.

Наконец, в половине первого они покончили с поздним ужином (или ранним завтраком) и решили покинуть шумное и до предела прокуренное заведение. У Кармазина раскалывалась башка, Ашотик уже дважды засыпал между пустых тарелок.

Но внезапно произошло событие, от которого сознание бывшего спецназовца вмиг прояснилось, а мозг снова начал соображать на полную катушку.

Сначала к столику подрулила официантка – высокая кудрявая нимфа. Фигура, как рюмка, глаза большущие и синие, как изолента. Она работала в ресторане недавно, поэтому Стас ее практически не знал.

– Ресторан заканчивает работу, прошу вас рассчитаться, – подала она счет.

– А голод у нее ничего, – прошептал Ашотик.

– Ага. Пустой череп резонирует, – так же тихо ответил Кармазин. И, прибавив громкость, спросил: – Разве вы работаете не до трех?

– С часу до трех оба зала ресторана арендует наш гость – очень важный человек, – негромко пояснила она.

– А мы чем не гости?

Официантка закатила глазки и картинно вздохнула.

– Пожалуйста, рассчитайтесь и на выход.

«Ну, понеслось, – пригорюнился капитан. – Закаленный в общении с шизофрениками всех мастей, я всегда воспринимал подобные наезды адекватно, но сегодня, похоже, не тот день».

Нимфа же с упорством дятла продолжала долбить в одну точку.

– Пожалуйста, поторопитесь. У персонала заведения еще очень много дел – уборка, смена скатертей, приготовление заказанных блюд.

– Я ни хрена не понял причину, но вы достучались до моего сердца, – пролепетал Стас и принялся изучать счет, под горизонтальной чертой которого значилась умопомрачительная цифра.

Пройдясь по всем карманам, он припомнил, сколько раз бегал к Сержу и сколько раз подзывал эту милую дамочку, делая дополнительные заказы.

В глазах потемнело. Денег катастрофически не хватало.

«Блин... – пронеслось в мутной башке, – на те бабки, что я пропил этой ночью, можно было целый год кормить африканскую деревню!..»

Заглянув в счет, Ашотик занервничал. Его мозг выбирал направление побега, а мышцы ног решили превратиться в вату и наотрез отказывались подчиняться.

Пришлось вносить в отдых досадные коррективы.

Официантка поторапливала. Отвратительный тембр женского голоса скрежетал по барабанным перепонкам так, словно бодрящий звон будильника резал по волшебному предутреннему сну.

Два собутыльника молча глядели друг на друга.

– Сегодня платишь ты, – тихо предложил Кармазин. – А завтра – я.

За соседним столиком кто-то издевательски хихикнул. Ашот покраснел ушами и промямлил, подбирая выпадающий язык:

– Давай лучше наоборот.

Его голова устало болталась на слабой шее, отчего крючковатый армянский нос описывал замысловатые фигуры высшего пилотажа. В какой-то момент напряженной беседы он даже попытался заснуть стоя.

Может, утро и мудренее, но определенно тяжелее, чем ночь. Пока Стас рыскал по пустым карманам, пытаясь набрать хотя бы треть обозначенной суммы, официантка привела пару здоровенных и самое отвратительное – трезвых охранников.

К сожалению, праздник заканчивался, но Кармазин об этом не жалел. В конце концов, что за пьянка без драки? Потерянное впустую время! И деньги...

* * *

За несколько секунд до расстрела до слуха всех, находившихся на краю поляны, донесся мерный рокот вертолетных двигателей. Причем не двух и даже не трех. Судя по нараставшему гулу, «вертушек» было как минимум четыре – то есть звено.

– А ну закрыли все рты! – вскинул вверх руку полевой командир и прислушался.

Звук стремительно нарастал.

Бандитский лагерь, еще минуту назад степенно ждавший кровавого зрелища, разом пришел в тревожную суету: кто-то отдавал команды, кто-то бежал с докладом к амиру, кто-то пристегивал к автоматам магазины и щелкал затворами...

Встрепенулись, закрутили головами и русские офицеры – усиливавшийся с каждой секундой звук был до боли узнаваемым. В душе опять затеплилась надежда.

– Так, парни, – наблюдал за боевиками Кармазин. – По моей команде дружно падаем на землю и отползаем влево за пригорок.

Павлов мелко закивал, а Толик шепнул:

– Понял, командир.

Рыжебородый куда-то исчез, и воины расстрельной команды пребывали в растерянности: то ли исполнять приговор, то ли готовиться к отражению воздушной атаки, то ли прятаться в скалах...

Через пару секунд из-за соседней вершины вынырнула первая пара пятнистых вертолетов. Хищные удлинённые тела Ми-24 быстро прошли параллельно склону. За ними показалась вторая пара – на той же высоте и скорости парили «эмтэшки».

Возможно, летчики и не заметили бы разбитый вокруг поляны и неплохо замаскированный лагерь, да Араб явно дал маху – не успел охладить воинственный пыл своих молодцов. Вслед каждой винтокрылой машине потянулись десятки слабо различимых на фоне голубого неба бледно-желтых трасс.

Пилоты легко определили зону, откуда велся обстрел, и ведущий первой пары, заломив приличный крен, вывел звено на боевой курс для ответной атаки...

Кармазин опомнился первым. Поглядев на рассыпавшихся по поляне боевиков, он командовал:

– Ложись!

Троица упала в светлую пыль и откатилась влево, где их уже не могли достать огнем боевики Араба.

А еще через секунду их оглушили взрывы.

Никто не предполагал такого поворота событий: ни русские пленные, ни хозяева горного лагеря. Все смешалось, все пришло в движение от серии беспорядочных разрывов неуправляемых ракет, выпускаемых сначала первой парой вертолетов, затем второй. Недавняя тишина и идиллия превратились в огненный кошмар...

* * *

Несколько мгновений Кармазин гонялся за неким проблеском в голове.

Поймал. Однако на извечный вопрос «Что делать?» ответа не нашел. Его давний приятель – бармен Серж – давно сменился и, вероятно, досматривал третий сон в своей постели. А жаль – с ним бы он договорился.

Охранники и настырная официантка уже перешли к оскорблениям и угрозам, сравнимым разве что с проклятиями в адрес Барака Хуссейна Обамы. Стасу казалось, что эти шавки на коротком поводке готовы были сорваться с поводков и развязать третью мировую войну.

– Спрашиваю в последний раз: вы собираетесь расплачиваться? – грозно повел бровями один из охранников – широкоплечий, темноволосый парень лет двадцати семи.

Кармазин уже мысленно выбирал место на его угрюмой роже, куда прилетит правый крюк, да вдруг вспомнил, что этот кабак имел очень удобное расположение – всего в пяти минутах ходьбы от дома. Если сейчас крупно пошалить, то потом до другого «ближайшего» придется ездить на такси. А это лишнее время и лишние деньги, которых никогда не бывает.

– Глянь, а часы у него ничего, – тихо сказал второй охранник – паренек с коротким шрамом на подбородке. – Похоже, швейцарские.

– Ну-ка, покажи свои часы, – приказным тоном молвил первый.

Станислав готов был отрабатывать долг по счету на самой грязной и отвратительной работе, но часы – подарок Андриюхи Трунилова – не отдал бы ни за какие посулы.

– Нет, ребята, часов я вам не отдам, – сказал он и, обдав противников ледяным взглядом, приготовился принять бой.

Кармазин совершенно точно решил, что вначале исправит прикус брюнету, потом возьмется за воспитание того, что со шрамом. Но внезапно стоявшее рядом бухое вдребезги тело по имени Ашотик громко икнуло и спросило:

– А банковской картой расплатиться можно?

– Конечно! – недоуменно развела руками официантка.

– Тогда держите, – протянул собутыльник карту. – Пинкод: два, три, один, один.

– Давно бы так, – отступили охранники.

Поняв, что скандала удалось избежать, Станислав взял под руку нового знакомого.

– Чего ж ты раньше молчал про карту?

– Я про нее забыл.

– Ну, ты даешь! Ладно, сегодня за ужин платишь ты, в следующий раз – я. Сейчас обменяемся номерами телефонов и договоримся, когда встретимся...

Получив обратно карту, приятели неверной походкой покинули зал. По пути к выходу Кармазин заметил, что кроме них в ресторане практически никого не было. Официантки спешно меняли на столах скатерти и приборы, уборщицы протирали полы, в кухне сустились повара.

– Забегали, – проворчал он. – Барина ждут...

Покинув ресторан, собутыльники окунулись в ночную прохладу и, прежде чем расстаться, решили перекурить. На улице никого. Только маленькая грустная собачка сидит на тротуаре и ушами борется с прохладным ветром.

– Тебе куда? – справился Ашот.

– Я пешочком до дома. А ты далеко живешь?

– На другом конце города. Туда только на такси...

Они собрали по карманам все свои гроши в кучу. Посчитали. Не хватало не то чтобы такси. Даже на половинку чупа-чупс не хватило бы.

Надо заметить, что в те времена все люди в нашей стране делились на две категории. Одна пахла дорогой натуральной кожей и парфюмом, а другая – безнадегой и голодом. Стас с Ашотом были типичными представителями второй: хоть от голода и не страдали, но безнадеги хватило бы на пятерых.

Внезапно спящая улица осветилась фарами подъезжающих машин. Резко затормозив, два черных представительских авто остановились у входа в ресторан. Пахло кожей и парфюмом.

– А вот и барин пожаловал, – поперхнулся табачным дымком Станислав.

Из первой машины выскочили плечистые ребята в строгих костюмах. Один подбежал ко второй машине и предупредительно раскрыл заднюю дверцу, другой встал посреди тротуара, третий с четвертым ринулись к входу, между делом отпихнув в сторону Станислава и Ашота.

– Эй! Нельзя ли поаккуратнее?! – возмутился бывший спецназовец.

– Закрой рот и отойди, – огрызнулся телохранитель.

И вот тут бензин генератора его спокойствия закончился. Он не был психом, но в этот момент его нежный мозг не выдержал.

Все, что произошло дальше, Кармазин хотел бы списать на паленую водку, вероятно, закупаемую ресторанным начальством для обычных клиентов вроде него. Хотя, возможно, просто накипело.

Качки явно не догадывались, с кем имеют дело, и схватка длилась всего несколько секунд.

Как только туша болтливого наглеца плашмя упала на асфальт, Ашот пригнулся и пустился бежать по улице. Кажется, его дом находился в другой стороне, но в эту минуту он мечтал просто отбежать как можно дальше.

Второй охранник, получив увесистый правый крюк, закатился сбоку под крыльцо.

Третий сунул руку за пояс, но вытащить оружие не успел – после эффектной подсечки он тоже рухнул на асфальт и был добит ударом кулака-кувалды.

Оставался последний – тот, который на лакейский манер открыл хозяину дверцу БМВ.

Он был далековато. Заметив рукопашную на тротуаре, он выхватил пистолет и целил в Кармазина. До выстрела оставалось не больше секунды...

* * *

Обстреляв неуправляемыми ракетами поляну, «вертушки» сделали второй заход, перепыхивая и калеча окружавший поляну лес.

– Это полдела. Это только половина дела, – прошептал, вжавшись в землю Кармазин. – Еще надо умудриться смыться отсюда, чтоб никто из банды не заметил и чтоб свои по ошибке не завалили.

– Что-нибудь придумаем! – запальчиво прокричал сквозь грохот Толик и куда-то пополз.

– Ты куда?!

– Сейчас...

Спустя минуту он вернулся, держа в руке кинжал.

– Вот трофей прихватил, – показал он длинное лезвие. – Взрывной волной к краю поляны отбросило.

– Держи наготове, – посоветовал Станислав. – Может пригодиться.

Дальнейшие события продолжали поражать пленных офицеров непредсказуемой стремительностью.

Вертолетное звено после второго захода внезапно переменило тактику: два Ми-24 и одна «восьмерка» зависли на удалении пятисот метров от склона и начали поливать лес из пулеметов. Второй Ми-8 снизился и аккуратно подполз к самому краю поляны. Его курсовой пулемет также огрызался короткими очередями.

– Стас, а ведь это за нами! – радостно заорал Толик. – За нами пришла «вертушка»!

Вскочив и пригнувшись, спецназовцы переместились чуть правее – туда, где мелькали в бешеном вращении вертолетные лопасти. «Восьмерка» медленно приближалась к оконечности поляны и зависла, чуть касаясь склона левым колесом шасси. Однако стоило троиче пленным оказаться в поле зрения экипажа, как винтокрылая машина резко отпрянула в сторону, развернулась носом, закачалась в воздухе и немного снизилась.

– Мы свои! – неистово размахивая руками, орал Толик. – Мы здесь! Мы свои!..

– Стреляют по ним, не видишь?! – рявкнул Кармазин. – Дай-ка мне эту хрень!..

Выхватив у заместителя трофейный кинжал, он ловко подбросил его, перехватил поудобней и, взобравшись повыше по склону, куда-то с силой запустил.

Из-за толстого кедрового ствола, держась за рукоять торчащего в груди клинка, вышел рыжебородый распорядитель казни. Темных очков на удивленном лице уж не было; винтовка выскользнула из рук. Сделав несколько неуверенных шагов, приближенный Араба рухнул наземь.

Когда автоматная стрельба поутихла, транспортный вертолет снова приблизился к склону. Дверка с круглым иллюминатором отъехала назад; крутанувшись, упал металлический трап в три ступени, приглашая в спасительное нутро грузовой кабины.

Офицеры один за другим запрыгнули внутрь.

Станислав упал на откидное сиденье. Павлов застыл у желтой топливной бочки; тяжело дыша, он глядел вокруг широко открытыми, осатаневшими от неожиданно свалившейся удачи глазами. Толик же, схватив лежавший на полу автомат, присел у открытой дверцы на колени и стал яростно поливать свинцом заросли.

«Вертушка» резко отвалила от склона и, разворачиваясь, пошла вниз с набором скорости. Через полминуты, разогнавшись и прилично отделившись от поляны, она взмыла вверх...

Спустя полчаса вертолетное звено летело над окраиной Ханкалы.

Отдышавшись и придя в себя, Кармазин заглянул в пилотскую кабину, навис над рабочим местом техника и по очереди пожал руки всем членам экипажа.

– Спасибо, парни. Век вас не забудем.

– Не за что, капитан. Мы и сами рады такой удаче – не чаяли вас найти, – ответил управлявший вертолетом летчик.

Стас искренне удивился: откуда авиаторам известно его звание? Ведь на порванной, грязной и пропитанной потом и кровью камуфляжке знаков различия не было.

– Выходит, вы искали нас?

– Вас, а кого же еще! Задачу нам утром поставили, район для поиска приблизительно обозначили.

– А кто ставил задачу?

– Командир полка. А ему распоряжение пришло из Москвы. Говорят, из Управления разведки.

«Броневич! – промелькнула радостная догадка, и Кармазин расплылся в довольной улыбке. – Конечно, Броневич! Этот своих в беде не бросает. Золотой мужик!..»

Глава третья

Российская Федерация; Новорубинск Некоторое время назад

Костин вернулся в Новорубинск поздней осенью. Замысел с исчезновением удался – после трехмесячной отсидки в маленьком уральском городке о нем забыли и родственники, и друзья, и бывшие сослуживцы. Все они полагали, что он трагически погиб: утонул в море вблизи крымского побережья, перебрав с алкоголем на яхте. Выпить он любил, отдыхать предпочитал с размахом, так что никто особенно не удивился.

Спустившись по трапу самолета в аэропорту Новорубинска, Костин направился на стоянку такси. Вынув из кармана сотовый телефон, он по пути набрал номер давнего школьного друга – Сашки Соболева. Впрочем, Сашкой он был в детстве и юности, а с середины лихих девяностых для большинства жителей областного города стал Александром Алексеевичем. Для большинства, но не для самых близких друзей.

– Здорово, Сашка, – не сдержав улыбки, сказал он.

– Валерка, ты?! – обалдел товарищ, услышав по телефону голос «погибшего».

– Да, Санек, не удивляйся, это я, – спокойно произнес Костин, ожидая подобную реакцию.

– Но как же так? Я ведь был на твоих похоронах!

– Забудь. Это инсценировка. Нам надо встретиться и кое-что обсудить.

– Дык это... Приезжай!

– Ты дома?

– Да.

– Понял. Через час буду. И никому обо мне ни слова. Понял?

– Само собой. Жду...

В школе Соболев был отъявленным двоечником, драчуном и прогульщиком. Кое-как получив аттестат, он даже не предпринял попытку куда-либо поступить и продолжить учебу. Откосив от армии, связался сначала с мелким криминалом, затем стал членом крупной бандитской группировки, возглавляемой криминальным лидером Борисом Кабаковым по прозвищу Кабан. Однажды крупно влетел после разборки со стрельбой, но каким-то чудом избежал уголовного наказания. Второй раз из лап следственных органов его с большим трудом вытащил Костин. В третий раз Соболеву от следствия, суда и колонии отвертеться не удалось. К тому времени Костин уже имел и деньги, и влиятельных знакомых. После нескольких звонков и встреч он умудрился договориться с какими-то чинами, и однокласснику прилично скостили срок, а немногим позже вообще выпустили по УДО.

– Вообще, самые главные проблемы в тюрьме – это телевизор и азартные игры, – радостно делился впечатлениями вновь обретший свободу Сашка. – Ты можешь проиграть в карты кучу денег и не отдать. Тебе надают дюлей или порежут, но ты все равно будешь должен.

– А при чем тут телевизор? – подливал ему водки товарищ. – Разве в колониях есть телевизоры?

– В колониях общего режима жить можно. Возле каждого отряда есть «локалка» – дворик для отдыха и курения, внутри барака комната отдыха с телевизором – в вечернее время смотри, сколько хочешь, только не переключай программу. Из-за этого периодически случаются махачи...

На самом деле Костина мало интересовали тонкости жизни в местах лишения свободы – он считал себя достаточно умным и осторожным человеком, чтобы когда-нибудь облажаться и загреметь на нары. Внимая Соболеву, он не испытывал эмоций и даже подпер ладонью щеку, как заскучавший слушатель. На самом деле он думал о своем. Ему позарез требовался надеж-

ный помощник, для которого не существовало таких глупых и несущественных преград, как совесть, честность, законы, добропорядочность.

– В общем, скажу так: телевизор, Валера, на зоне – святое.

Валера не слушал – он был на своей волне.

– Валера, очнись!

– Да-да, Санек. Давай-ка еще выпьем...

После очередной порции крепкого алкоголя Валерий Григорьевич озвучил свое предложение. Немного подумав, бывший одноклассник согласился.

Они быстро сработались: Костин изредка подбрасывал поручения, связанные с выбиванием долгов или же с оказанием психологического давления. Соболев со своими головорезами их исполнял, за что получал неплохое вознаграждение. Оба подобным сотрудничеством были весьма довольны. И хоть основному исполнителю все же пришлось несколько раз сходить на зону, криминальная связка не распалась и после каждого освобождения возобновляла свою работу.

* * *

Дом Александра располагался в двенадцати километрах от Новорубинска – на живописном берегу Волги, в селе Приволжское.

Огромный участок в полгектара, фонтан, летний бассейн, цветочные клумбы, аккуратные дорожки, хвойные растения и прочие атрибуты сытой и не совсем честной жизни. В центре участка высился двухэтажный особняк – вычурный снаружи и навороченный внутри. С баней и бассейном в подвальном помещении, со шведским лифтом и отделанной кипрским мрамором гостиной, с кинозалом, бильярдом и другими прелестями продвинутой цивилизации. Костин не раз бывал в этом доме. Да и как иначе, если данный архитектурный шедевр возводился на деньги, добытые в том числе и с его помощью?..

Из аэропорта Валерий Григорьевич доехал до Приволжского на такси. Высадить его он предусмотрительно попросил за пару кварталов до цели. Рассчитавшись, прихватил сумку и пешком направился до нужной улицы.

– Ну, здорово, покойничек, – открыв калитку, хмыкнул Соболев.

Они не виделись несколько месяцев. За это время Сашка не изменился – такой же высокий, крепкий и смуглокожий, по темпераменту и наглости похожий на кавказца.

– Типун тебе на язык, – приобнял старого товарища Костин. – У тебя пожарть что-нибудь есть?

– Найдем.

– Пошли, я просто подыхаю от голода.

– Проходи...

Пока Сашка накрывал стол, Костин принял душ, переоделся в свежий комплект белья.

– Зарекался никогда не пользоваться услугами российских авиакомпаний, – проворчал он, появившись в гостиной. – Так нет же – опять вляпался.

– Чего так? – разливал бывший одноклассник холодную водку.

– Душно, тесно, ужасное обслуживание. А вместо нормальной жрачки предлагают такое убожество, что плевать хочется.

– Чего ты от них хочешь? Российский сервис...

Приятели уселись за стол, накатили по рюмке ледяной водки. Соболев живо интересовался, с какой целью Валерий инсценировал свою гибель.

Неспешно закусывая, тот отвечал:

– Броневица помнишь?

– Твоего босса?

– Да.

– Ну, как помню?.. Пару раз видел.

– Так вот, он меня знает слишком хорошо. Если бы я не «умер», то он постоянно оставался бы на стрёме, ожидая от меня подвоха. Удвоил бы охрану, уволил бы из компании тех, кто был со мной накоротке. А так... нет меня – нет проблем.

– Значит, ты собрался ему отомстить?

– А ты как думал?! – грохнул кулаком по столу Костин. – Найду подходящего человечка, подготовлю его, выберу время и... в один прекрасный день у компании «Берег» сменится руководство. Вот такая продуктивная месть с часовым механизмом.

Александр наполнил рюмки водкой и согласно кивнул:

– Все правильно – обиды прощать нельзя. Мы с тобой хоть и христиане, но другую щеку под оплеуху подставлять не станем.

– Вот и я об этом же. Обживусь немного под другим именем, пораскину мозгами и займусь Броневичем по полной программе.

– Ты говори, если что – помогу.

– Да, без твоей помощи мне не обойтись. Бригада в порядке?

– А чего ей будет? Лапа, Мартын, Мельник... все живы и здоровы. Только свистни – через полчаса будут здесь.

– А Серега Казаков?

– И Казак в норме. Пьет, правда, сволочь много, но это от безделья. А что, у тебя для моей бригады намечается работенка?

– Не сейчас. Но будет – обещаю.

– И как же ты хочешь отомстить Броневичу?

Проглотив водку, Костин подпалил сигарету, затянулся и, выпустив дым к лепнине высокого потолка, сказал:

– К сожалению, подобраться к Броневичу через зятя не получилось. Задумка была гениальной, да исполнение не очень. Кто знал, что Добарин – простой учитель математики – окажется расчетливым смазливый альфонсом!

– Да, быстро его Броневич раскусил.

– Что там Броневич! Дочка и та все поняла через два года совместной жизни. Кстати, где он теперь?

– Ты о толстяке Добарине?

– Да.

– Понятия не имею. Поговаривают, будто уехал в Москву и нашел там новую пассию.

– Точно не знаешь?

– Вот те крест. – Сашка хаотично потыкал себя в грудь.

– Ладно, верю. Вот урод! Я столько связывал с ним надежд.

– Может, найти и...

– Не стоит. Скоро у нас будет много работы.

* * *

Александра ехала на своем «Ауди» в школу по знакомому маршруту: коттеджный поселок Посад – пригород – оживленный центр Новорубинска – улица Рихарда Зорге. Занятий в конце лета не было, вместо них почти ежедневно проходили нудные совещания, заседания педсовета, методические летучки...

– Господи, как я от всего этого устала! – прошептала она. – Скорее бы первое сентября и нормальная работа! Ну почему все так?! Человек в двадцать пять лет должен быть счастливым!

Просто счастлив по определению! Потому что получил образование, стал самостоятельным, работает...

Девушка была на грани срыва. Бесконечная череда малоинтересных и формальных мероприятий выматывала и не оставляла времени на личную жизнь. Никаких просветов. А ведь пару лет назад все обстояло иначе: она носила короткую мальчишескую стрижку, встречалась с любимым человеком, выезжала на выходные из Новорубинска. А отпуска неизменно проводила на берегу теплого моря.

«Ответственности тогда было меньше, а свободы больше, – вздохнула девушка, перестраиваясь в правый ряд. – Поторопилась я с защитой диссертации. Поторопилась. Вот и осталась у разбитого корыта. Все есть: и должность, и уважение. А в душе холодная пустота. По сердцу кошки скребут – выть порой хочется. И личной жизни – не больше, чем у мумии...»

Александр – дочери подполковника Броневица – недавно исполнилось двадцать пять. Окончив местный университет, она осталась в аспирантуре, блестяще защитила кандидатскую диссертацию, после чего устроилась преподавателем русского языка и литературы в одну из школ Новорубинска. Там быстро снискала авторитет среди коллег-учителей, вследствие чего полгода назад была назначена завучем.

О прямоте и категоричности суждений Александры в среде педагогов ходили легенды. Она могла сказать все, невзирая на лица, и это «все» сходило ей с рук. И причиной тому был вовсе не отец – один из богатейших и влиятельных людей Новорубинска. Причина заключалась в том, что она не лезла в руководители, отгораживалась от сомнительной чести быть чьей-то протеже и тщательно оберегала свою независимость. К тому же по праву считалась талантливым учителем.

Она была высокой голубоглазой девушкой с идеальной фигурой и мягкими, приятными чертами лица. Неудивительно, что при такой внешности в студенческую пору на нее заглядывалась большая часть сокурсников противоположного пола.

Ее бывший супруг Андрей Добарин, напротив, не был смазливый красавчиком. Будучи ровесником Александры, он учился в том же университете на физико-математическом факультете. Она его практически не знала. Или не замечала. Учился он еле-еле, часто прогуливал лекции. Зато исправно посещал все студенческие тусовки, любил выпить и повеселиться.

Их знакомство завязалось на последнем курсе, когда руководство университета определило группу активистов для проведения выпускного вечера. Возможно, так сложились обстоятельства или Добарин проявил смекалку, но ему и Александре поручили заказ, закупку и доставку в банкетный зал праздничных тортов. Вместе обзванивали кондитерские цеха, вместе ездили, вместе договаривались...

Добарин умел производить впечатление, умел красиво говорить. И вскоре простые дружеские отношения переросли в глубокие чувства.

Владимиру Броневицу Андрей не понравился сразу – пройдя немалый жизненный путь, он научился безошибочно определять фальшь. Несколько раз намекнув дочери о своей оценке, он натолкнулся на непонимание и обиду.

– Папа, прошу, не надо обморочных мизансцен и полчасовых лекций о духовном обнищании современной молодежи, которая в опере и керамике разбирается как стадо свиней в апельсинах, – отрезала она.

Подумав, отец решил не противоречить Александре. «Пусть будет по ее, – подумал он. – В конце концов, штамп в паспорте – не проблема. Лишь бы детей заводить не торопились». И в этом вопросе его желание полностью совпало с мнением молодых.

Свадьбу решили сыграть осенью. Половину медового месяца провели в Испании. Вернувшись, поселились в новенькой «однушке», купленной им в подарок Броневицем. В общем, старт для совместной жизни был вполне нормальным. Работайте, живите, любите друг друга и думайте о будущем своей семьи...

Не заладилось. Через некоторое время Добарин стал прикладываться к бутылке и приходил домой позже обычного. Саша пыталась с ним говорить по-хорошему – не подействовало. Тогда с ним побеседовал Броневиц, и на пару месяцев тот «исправился». Давил на него и Костин – ведь ему зятек владельца компании нужен был для воплощения своих черных замыслов. И не только давил. Подкидывал денег, сулил большое будущее, если планы исполнятся...

Но и это не помогло – через два года Андрей пошел вразнос: пить стал пуще прежнего, растолстел, завел на стороне любовницу, перестал приносить домой зарплату... В итоге Александра подала на развод, собрала его вещички и выставила за дверь.

Так и закончилась ее короткая семейная жизнь. А вместе с ней рухнули и надежды Костина.

«Ауди» повернул на улицу Рихарда Зорге, подрулил к школе и ткнулся в свободное местечко у правого тротуара. Девушка вышла из машины, оправила юбку, поставила авто на сигнализацию и неспешно направилась к парадному входу школы...

* * *

Сложные интриги были не по части прямолинейного и бесхитростного Соболева. Замерев с незажженной сигаретой, он глядел на одноклассника.

– То есть ты хочешь опять провернуть тот же прием? – спросил он, наконец щелкнув зажигалкой.

– Да-да, Санек, – засмеялся Валерий Григорьевич. – Почему бы нет?! Девчонка обожглась на первом браке, но не ходить же ей вечно незамужней! Так недолго и в старых девах остаться. Ей ведь уже двадцать пять стукнуло, а для девушки это почти критический возраст, верно?

– Ну, не знаю. Ты ведь тоже обжегся с первым ее женишком. Сколько бабла ему совал, а в итоге... Ищи его теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.